

— Фух... фух...

Видео Лин Сяо закончилось уже давно, но Бай Циюй никак не мог прийти в себя от шока. Что, в конце концов, случилось с Лао Ма?

Сообщения от других коллег были сплошь об одном и том же. Они выпытывали, что же произошло между ним и Лао Ма, а затем, словно делясь новостями о каком-нибудь диковинном происшествии, пересказывали историю безумия Лао Ма.

— Тебе уже рассказали про Лао Ма? Он всё время выкрикивал твоё имя, кричал и кричал...

— Что у вас там с Лао Ма стряслось? Он сегодня был просто пугающим...

— Сяо Бай, глянь это видео, это что, фотошоп?

— Лао Ма сошёл с ума!

— Лао Ма спятил!!!

— Лао Ма, Лао Ма, Лао Ма, гудит и бормочет что-то...

Хотя Бай Циюй понимал, что у них нет дурных намерений и они даже проявляют участие, его всё равно раздражало это обилие сообщений. Он закрывал их одно за другим, не зная, что ответить.

На душе было тяжело, словно она пропиталась ледяной водой зимней стужи. Это была та самая печаль, которую испытываешь, когда понимаешь: верный пёс больше не нужен, и его пустят под нож. Это чувство перекрывало даже страх и отчаяние перед будущим.

Потому что он всё больше убеждался: Лао Ма будет не последним.

Возможно, в будущем и он сам появится на экранах смартфонов тысяч людей, в таком же жалком виде, став предметом досужих разговоров и злорадства, источником страха и отвращения.

Это лишь вопрос времени.

Бай Циюй бегло просмотрел список контактов. В компании отозвались все, кого он знал и не знал, все, кто добавился в личные сообщения. Только Ли Таогэ не написал ни слова.

Ли Таогэ не мог не знать об этом. Он намеренно скрывал информацию.

Бай Циюй вздохнул, успокоил сердце и отправил массовую рассылку:

— Спасибо за беспокойство. Я взял отгул на пару дней, чтобы заняться переездом, а Тао-гэ сегодня отпросился, чтобы мне помочь. Я сам не понимаю, что Лао Ма хотел от меня. Как освобожусь, обязательно навещу его в больнице.

Закончив с этим, он хотел было позвонить Ци Жуну через QQ, но засомневался и убрал руку.

Он позвонил Ли Таогэ.

Ли Таогэ отклонил вызов.

Бай Циюй начал набирать сообщение с вопросом о Лао Ма, но не успел отправить — в дверь тихо постучали четыре раза. Пришёл Ли Таогэ.

Пока Бай Циюй общался с бабушкой Ло, Ли Таогэ успел принять душ и переодеться, вернув себе образ стильного и дерзкого парня. На нём были рабочие брюки, длинная футболка и модное титановое ожерелье.

Футболка казалась новой, Бай Циюй раньше её не видел: чёрная, с длинной надписью на французском, выполненной изящным каллиграфическим шрифтом.

— Les absents sont assassinés à coups de langue.

Услышав бормотание Бай Циюя, Ли Таогэ приподнял бровь:

— Ты знаешь французский?

— Изучал как факультатив в университете, — улыбнулся Бай Циюй. — Но не в совершенстве.

— Переведи-ка, что это значит?

— Отсутствующие... убиты ударами языка... — Бай Циюй подбирал слова. — Язык отсутствующих убит. Кажется, так. Это фраза Поля Скаррона.

— Знаменитость?

— Поэт и драматург, — ответил Бай Циюй. — Его работы очень влиятельны во Франции, но у нас почти не известны, переводов почти нет.

Он с лёгкой ностальгией улыбнулся:

— Я узнал о нём на занятиях, наш преподаватель был эдаким романтиком... Как бы сказать, его слава меркнет по сравнению со славой его жены.

Ли Таогэ налил горячей воды, протянул ему и, широко шагая, сел рядом, жестом предлагая продолжить.

Бай Циюй изначально не был настроен на сплетни, но, видя интерес Ли Таогэ, не спеша заговорил:

— После смерти Поля Скаррона его жена, Франсуаза д'Обинье, вышла замуж за Людовика XIV и стала госпожой де Ментенон — самой близкой фавориткой Короля-Солнца, а позже и королевой.

— Не находишь это ироничным? Будь то Поль Скаррон или Людовик XIV — даже при их огромной известности, их неизбежно обсуждают через призму личной жизни, которая никак не связана с их достижениями. Эти любовные истории куда знаменитее их вклада в историю.

— Люди вспоминают Ньютона и редко говорят о его трёх законах механики, о биноме или золотом стандарте. Они лишь судачат о сомнительной байке про яблоко, упавшее ему на голову.

— Потому что не понимают, — Ли Таогэ усмехнулся. — Живые существа не любят говорить о том, чего не понимают их собеседники. Общение определяется не объединением знаний, а их пересечением.

Бай Циюй рассмеялся:

— Ты что, сторонник высшей формы политкорректности? Даже слово «человек» не используешь, перешёл на «живых существ»?

— Все существа равны. Поэтому истина часто пылится в сердце того, кто её познал, и даже если он её озвучит, её проигнорируют или она затеряется из-за невозможности понять или передать дальше.

— Перестань загадками говорить. Что ты хочешь сказать?

Ли Таогэ усмехнулся:

— Я хочу сказать, что зачастую ответы, которые ты ищешь, никогда и не были скрыты. Они всегда вокруг тебя, стоит лишь захотеть — и они в твоих руках... Ты просто не хочешь

реагировать.

Ресницы Бай Циюя дрогнули, изогнувшись хрупкой дугой, словно крылья бабочки, намокшие от морского бриза, — до того трогательно. Он смотрел на Ли Таогэ спокойными глазами, не проронив ни слова.

Неизвестно почему, но в свете свечей Бай Циюй казался существом не от мира сего, его кожа светилась изнутри. Казалось, он может исчезнуть в любую секунду.

Ли Таогэ снова улыбнулся, дерзко ущипнул Бай Циюя за кончик носа, прерывая назревающую глубокомысленную беседу:

— Ладно, к делу. Зачем искал меня?

— Ах... точно. Что всё-таки случилось с Лао Ма? В QQ всё просто взрывается, все спрашивают меня.

Ли Таогэ горько усмехнулся:

— Ты как раз вовремя спросил, я только что говорил по телефону с Лин Сяо.

— Судя по его описанию, до одиннадцати утра всё было нормально. Поскольку нас двоих не было, Ци Жун был не в духе, наверное, переживал из-за сроков работы.

— Около одиннадцати я взял отгул, и Ци Жун объявил всем, что дела подождут, пока мы не выйдем.

— Именно с этого момента Лао Ма стал вести себя странно.

— Он всё твердил, что должен найти тебя. Твой телефон был в авиарежиме, на сообщения в WeChat и QQ ты не отвечал — полная потеря связи.

— Ребята ещё шутили: Лао Ма, мы никогда не видели, чтобы ты так любил работу, с чего такая прыть, когда человека нет на месте?

— Но Лао Ма лишь что-то недовольно бурчал. А потом начал без конца выкрикивать твоё имя. Повторял одно и то же: где Сяо Бай, не могу связаться с Сяо Баем, что делать — словно одержимый.

— Только тогда все поняли, что что-то не так, и занервничали.

— Раньше за ним такого не замечали, да и в отделе кадров он не заявлял ни о каких психических расстройствах. Ци Жун велел всем сохранять спокойствие и не обращать внимания — мол, может, у него личное дело, и он просто разволновался, что не может дозвониться.

— Но ситуация быстро ухудшилась, и он сошёл с ума...

Ли Таогэ замялся, видимо, не желая травмировать Бай Циюя.

— Лин Сяо уже прислал мне видео... — сказал Бай Циюй. — Со мной всё в порядке, продолжай.

Ли Таогэ утешил его парой слов и продолжил:

— Пришлось вызвать скорую. В обед в парке программного обеспечения пробки, так что до приезда врачей пришлось срочно звать охрану со всех трёх этажей, чтобы его скрутить.

— Результаты осмотра есть?

Ли Таогэ покачал головой:

— Вроде нет. Но Ци Жун уже связался с семьёй Лао Ма. Его жена ведь медсестра, она его и сопровождает.

— Его жена — медсестра? — этого Бай Циюй не знал. В игровой компании никто не любил лезть в чужую жизнь.

— Угу, — Ли Таогэ ответил на сообщение в телефоне и поднял взгляд. — В больнице традиционной медицины. Видел её однажды во время медосмотра в компании. Очень мягкая и приятная женщина, я ещё тогда сказал Лао Ма, что ему повезло.

Телефон Ли Таогэ постоянно вибрировал, он явно был занят, решая какие-то вопросы.

Глядя на его сосредоточенный, дерзкий и красивый профиль, Бай Циюй колебался, стоит ли рассказывать о связи Лао Ма с бабушкой Ло, как вдруг в дверь постучала невестка Хань.

— Ужин готов, господа, прошу к столу.

Увидев Ли Таогэ, она на секунду замерла, но пригласила и его.

Бай Циюй только сейчас заметил, что на улице совсем стемнело. Сквозь ромбовидные проёмы мансардного окна пробивался лунный свет и виднелись ночные облака.

Они прошли в столовую. Помещение было небольшим, явно личным, в центре стоял восьмиугольный стол. Интерьер был изысканным, в старинном стиле, с множеством предметов, связанных с эзотерикой, что производило неизгладимое впечатление.

Особенно выделялись две стены, полностью покрытые наскальными рисунками: люди в сложных разноцветных одеждах танцевали вокруг огня с диковинными инструментами, а на земле лежали головы скота и чёрные колючие столбы.

Заметив интерес Бай Циюя, невестка Хань объяснила, что это ритуал жертвоприношения земле шаманов — подношение вина, молитвы с ритуальными ножами и песнопения. На рисунке жрец исполняет танец Элоло.

— Элоло? Название песни?

— Нет, — пояснила она, — это бессмысленное заклинание, хотя в некоторых источниках говорится, что это призыв божества, выражающий покорность.

За ужином Бай Циюй всё же не удержался и рассказал о Лао Ма. Люди вокруг него один за другим погружались в бездну безумия или смерти, и ему было трудно не сделать самый страшный вывод: не он ли стал причиной их бед?

Если смерти Вэй-гэ и Ян Юйсэня были случайностью, проклятием канализации, то что случилось с Лао Ма?

Стоило закрыть глаза, как перед ним вставал образ Лао Ма из видео — его нечеловеческий, злобный шёпот и пугающий облик. Такой финал был слишком жесток. Даже если современная медицина спасёт его, в будущем его ждёт социальная смерть, полная подозрительных взглядов и отвращения.

Бай Циюй знал это по себе: такие косые взгляды способны свести с ума.

Возможно, все эти проклятия и ужасные смерти никак не связаны с канализацией или бомбоубежищем, а единственная причина — близость к Бай Циюю. Его существование превратило и его самого в источник проклятия, подобно вирусу, который распространяется без границ: стоит коснуться — и никто не спасётся.

Бай Циюй приоткрыл губы, его голос дрожал, словно тонкий лёд:

— Это я их погубил? Если бы я не потревожил Его...

— Не думай так! — Ли Таогэ прервал его низким голосом. — Ты жертва!

Бай Циюй болезненно покачал головой:

— Может, подозрения Цинь Сяоцзю были обоснованы. Столько моих друзей...

— Это не ты.

Бай Циюй с удивлением посмотрел в сторону голоса. Его утешал Цинь Гуаньхэ. Его голос был привычно спокойным и отстранённым, но слова прозвучали тепло:

— Если судить по хронологии, когда у Вэй-гэ и Ян Юйсэня появились симптомы, тебя ещё не было в городе Цзиндэ.

— Но Лао Ма не был в канализации, а всё равно...

— Текущие улики не доказывают связи с поездкой в Циндао, но доказывают, что ты тут ни при чём.

— ...Ты ведь не просто пытаешься меня подбодрить?

Цинь Гуаньхэ пристально посмотрел на него:

— Можешь мне верить.

Бай Циюй едва заметно качнулся, и слёзы скатились по щекам:

— Спасибо.

Кто-то коснулся его руки — это Ли Таогэ протянул салфетку. Бай Циюй взял её, глубоко вдохнул и вытер лицо.

— ...Ваши контакты мне дал Лао Ма. Он говорил, что обращался к вам, бабушка, вы не помните?

Бабушка Ло велела невестке Хань проверить записи. Но среди десятков клиентов по фамилии Ма имени Лао Ма не нашлось.

— Не может быть! — выпалил Бай Циюй. — Лао Ма нет смысла мне врать, верно?

— Может, он перепутал, или... — невестка Хань посмотрела на Цинь Гуаньхэ, — обратился к другому мастеру? К бабушке Ло не так-то просто попасть.

В её словах сквозила гордость, но она была права: когда у ребёнка жар из-за сглаза, к бабушке Ло не всегда удаётся записаться.

Цинь Гуаньхэ позвонил управляющему Тяньчжутана. Через пять минут пришёл ответ: записи о визите человека по имени Ма Цзянь не существует.

— Значит, он вообще не обращался к вам, но хвастался повсюду? Нет, он точно приходил. Когда он описывал жар у ребёнка и ваши способности, его фанатичный вид не был наигранным!

Бай Циюй запутался:

— Может, он назвался чужим именем? Зачем? Боялся, что знакомые узнают?

— Бывают и такие клиенты, спрашивают анонимно. Многие сомневаются в шаманах, это понятно. Но... — невестка Хань засомневалась, — если был приём, большинство оставляет данные для оплаты, это обязательно.

Странно, всё это очень странно.

Ли Таогэ задумался и сказал:

— А может, Лао Ма рассказывал о ком-то другом? Есть такие люди, которые, чтобы стать центром внимания, приписывают себе чужие истории. Лао Ма, эх, я ничуть не удивлюсь, если он на такое способен...

— Почему ты так говоришь?

Ли Таогэ отпил рисового вина и невнятно пробормотал:

— Как сказать... он, конечно, отзывчивый, но иногда...

Он сменил тему:

— Сначала спрошу: ты знаешь, почему Лин Сяо не ладил с Лао Ма?

Бай Циюй опешил:

— Нет. А что, у них были плохие отношения?

— Ты хоть раз видел, чтобы Лин Сяо общался с Лао Ма?

Бай Циюй горько усмехнулся: он действительно не замечал.

— Лин Сяо пришёл на год позже. Когда он только появился, Лао Ма был к нему очень добр, Лин Сяо ему доверял, считал его отзывчивым человеком.

— Позже, я хорошо помню, это было около Нового года, Лао Ма сказал, что у соседки кошка окотилась, и спросил Лин Сяо, не хочет ли он взять котёнка.

— Лин Сяо родом из Миньнани, в Цзиндэ ни друзей, ни родни, и как раз в то время искал кота. Лао Ма предложил — он и согласился.

— Разве это не хорошо? — Бай Циюй внезапно замер. — Постой, этот кот — тот самый, который умер? Тот, из-за которого он долго горевал в соцсетях?

— Да, — кивнул Ли Таогэ. — Это я узнал позже, когда мы выпивали, и он, захмелев, рассказал мне.

— Он сказал, что соседка, о которой говорил Лао Ма, — никакая не соседка, а обычный «разведенец» из заднего двора! Не прошло и двух недель, как у котёнка начались проблемы, они раз семь ездили в клинику, ночные дежурства, операции, но кот всё равно умер.

Ли Таогэ тяжело вздохнул:

— Он показал мне фото перед смертью. Такое красивое, милое создание, измученное болезнью и болью до неузнаваемости. Очень жаль.

— Лин Сяо рыдал навзрыд. Взрослый парень, а так убивался. Я сам был потрясён.

— Он назвал кота Счастличиком, но судьба не принесла ему счастья. Лао Ма тогда ещё выманил у него три тысячи якобы на питание матери-кошки, а потом на лечение ушло ещё сорок тысяч. Деньги — это одно, но...

Лицо Бай Циюя исказилось:

— Это же омерзительно! Заниматься таким бизнесом... У них вообще есть хоть капля уважения к жизни?

Ли Таогэ налил ему супа из костей, жестом предлагая выпить. Бай Циюй послушно отпил, на лице появился румянец, и Ли Таогэ покачал головой:

— Мы не стали устраивать разборки, в конце концов, Лао Ма могли и самого обмануть, он же не со зла.

— Но я хотел сказать, что вся его теплота и доброта — лишь ширма, чтобы привлечь внимание. Его ложь вскрывалась не раз, ты разве не замечал, что в отделе его никто не любит?

Бай Циюй глубоко вздохнул:

— Нет, Лао Ма точно знал.

Ли Таогэ замер:

— Почему?

— Несколько дней назад... когда ты не пришёл, и Ци Жун угощал всех раками, Лао Ма с теми же словами предлагал мне завести котёнка...

— Чёрт! Тварь! — Ли Таогэ с силой сжал стакан. — Лао Ма — подонок!

Оба были в ярости, невестка Хань тоже не сдержалась и добавила пару проклятий.

Похоже, история с ребёнком Лао Ма была выдумкой, и к бабушке Ло он не обращался. А значит, аномалия Лао Ма и странности участников экспедиции — две параллельные линии.

— Этот ублюдок просто спятил, — холодно сказал Ли Таогэ. — Люди, которые ни во что не ставят жизнь, часто становятся психопатами. Неудивительно, что у него развилось такое психическое расстройство.

После ужина Ли Симин ушёл принимать других гостей, а трое оставшихся отправились в главный зал, чтобы Бай Циюй закончил рассказ о Циндао.

Ли Таогэ тоже хотел пойти. Цинь Гуаньхэ прямо отказал ему, но Ли Таогэ перехватил бабушку Ло, и после долгого разговора она неожиданно согласилась взять его с собой.

— Бабушка, это слишком опасно, — сказал Цинь Гуаньхэ. — У него ещё нет своего «алтаря», возможно...

Бабушка Ло прервала его:

— Я знаю, что делаю.

Бай Циюй открыл сайт для улучшения качества изображений и загрузил фото второго красного листа с «заслугами» из бомбоубежища. К сожалению, из-за плохого освещения и низкого разрешения результат был невелик.

Бай Циюй с досадой закрыл глаза. Видимо, от обилия красного цвета в глазах всё ещё стоял этот ослепительно-алый лист, вызывая тяжесть в груди.

Бабушка Ло жестом велела ему оставить попытки:

— Если виден заголовок, суть ясна. То, что ты не понимаешь, нормально — это текст на монгольском.

— Монгольском? — Бай Циюй удивился. — Я думал, маньчжурский... Почему монгольский?

— Его оставил жрец из Внешней Монголии. — Она указала на размытое пятно в правом нижнем углу, похожее на запекшуюся кровь. — Ты не ошибся, это кровь.

Заметив, как побледнел Бай Циюй, бабушка Ло мягко пояснила:

— Это не то, о чём ты подумал... Древний шаманизм больше полагался на связь с природой и духами. В их понимании человек — лишь сосуд, у него нет «сил», эта кровь — лишь посредник для связи с небом и землёй.

— Понятно, — кивнул Бай Циюй. — А для чего этот лист?

— Упокоение душ.

— То же самое, что и жёлтый лист для бога города?

— Не совсем, — ответил Цинь Гуаньхэ. — Тот лист был подношением божеству земли, своего рода «арендная плата». А этот — «компенсация» духам, обитающим на этой земле, в знак благодарности за то, что не мешают. В целом, всё это ради того, чтобы работы прошли гладко.

Однако Цинь Гуаньхэ нахмурился:

— ...Но в этих двух листах нет ничего необычного.

Он посмотрел на бабушку Ло, словно ища поддержки, но та лишь велела Бай Циюю продолжать.

— Уже почти конец... — растерянно сказал Бай Циюй. — Остальное не так уж важно.

— Мы не нашли тайную комнату в центре «тыквы», но никто не расстроился. Лучшее — это то, что оставляет след сожаления; Венера Милосская прекрасна именно своей незавершённой.

— Наше путешествие длилось четыре дня и четыре ночи. На самом деле никто не хотел уходить. Мы хотели подольше остаться в тёмном бомбоубежище, отрезанном от времени и внешнего мира, наедине с «восьмым чудом света».

— К сожалению, даже самое захватывающее путешествие заканчивается из-за бытовых нужд: сухие пайки почти кончились, и на пятый день мы начали бы голодать.

Бай Циюй горько улыбнулся:

— Большая часть еды была заражена, те дни мы жили на скудных запасах Гуань Бао. В них мало питательных веществ, на вкус как глина. Все исхудали, только глаза светились жутким блеском.

— Ян Юйсэнь предложил вернуться, ничего не забирая, оставив это место нашим общим секретом, сокровищем, пусть оно и дальше покоится в глубинах истории.

— Странно, но все согласились.

— Сейчас, если подумать, это совсем нелогично... — Бай Циюй потёр виски. — Никто не хотел заявлять в полицию или уведомлять власти, все хотели обладать этим в одиночку.

— Перед уходом из убежища нас переполнял такой восторг, что мы дрожали. Возможно, каждый из нас предчувствовал, что такое... выходящее за рамки разума путешествие, потрясающее основы мира, больше никогда не повторится.

— Никто не хотел уходить, никто не мог оторвать взгляд от той двери, никто не хотел возвращаться в реальность из этого мира другой эпохи. Кто-то предложил, и мы все шестнадцать обнялись, сложили руки и дали клятву.

— Какую клятву?

Бай Циюй убрал руки от висков, на его лице появилась фанатичная и ностальгическая улыбка:

— Никогда не раскрывать это место, никогда не тревожить его... Если все сдержат слово, каждые три года собираться здесь и продолжать искать тайны, которые оно скрывает.

— Мы даже подписали соглашение о неразглашении... то есть соглашение о смерти.

— Хранить в тайне всё, что произошло за эти четыре дня и четыре ночи, все находки, само место входа в канализацию и существование бомбоубежища...

— Но... сейчас кажется, — голос Бай Циюя был таким слабым, словно улетал в облака, — что эта клятва давно нарушена.

— ...Все мы, мы все прокляты, никто не спасётся...

В комнате воцарилась тишина. Никто не проронил ни слова, Бай Циюй смотрел на тонкую струйку дыма от ароматической палочки, беспрепятственно уходящую ввысь.

— Погоди, Сяо Бай, посмотри на это...

Проследив за застывшим взглядом Ли Таогэ, он увидел сообщение в группе экспедиции.

Некролог.

— Цинь Сяоцзю будет похоронен 29 сентября на кладбище Вайхэшань в городе Дэчжоу. Я буду представлять нашу группу на церемонии прощания. Кто свободен, пишите в личку. [Свеча]

Снова смерть.

Какая по счёту?

Иронично, но, увидев сообщение о смерти знакомого, Бай Циюй почувствовал лишь оцепенение. Его глаза покраснели, но слёз не было, на лице застыла гримаса — не то смех, не то плач.

В тех прекрасных глазах, что когда-то сияли, теперь была лишь пустота и боль от ран, которые гнили слишком долго. Ли Таогэ почувствовал тупую боль в груди.

Он невольно вспомнил прошлый июль, когда впервые встретил Бай Циюя.

Был ясный последождевой день, когда в группу должен был прийти новый сотрудник. Ци Жун вёл его по лестнице, и они, улыбаясь, шли по стеклянному переходу в полдень.

Ослепительно яркий солнечный свет преломлялся, распадаясь на семь цветов радуги, и падал на слишком густые ресницы, напоминая холодный блеск тающего снеговика.

Новый стажёр, присланный по набору из вуза, был одет в футболку оверсайз, а кожа его казалась невероятно белой.

Ци Жун ростом метр восемьдесят восемь, и по сравнению с ним парень выглядел совсем крошечным.

Лин Сяо тоже прильнул к перилам, подглядывая, и прошептал:

— Новый планировщик похож на старшеклассника.

Ли Таогэ тогда промолчал, но в душе подумал о том же.

Когда Бай Циюй, сворачивая на второй этаж, интуитивно поднял взгляд, он увидел двух наблюдателей на перилах третьего этажа.

Он на мгновение замер, встретившись с ними глазами, а затем застенчиво улыбнулся, сощулив глаза.

Только тогда Ли Таогэ смог разглядеть его лицо, и в голове у него промелькнула лишь одна мысль:

Неужели этот человек покрасил губы?

Они были ярко-алыми, словно спелое яблоко.

Белоснежная кожа, сочно-красные губы, к тому же чуть пухлая нижняя губа — всё это создавало противоречивое ощущение невинности и искушения.

Так и хотелось разрезать это яблоко, чтобы проверить, такое же ли оно белоснежное и сочное внутри.

Редко встретишь человека с таким здоровым видом, подумал Ли Таогэ. Этот коротышка, должно быть, крепок телом, может, стоит позвать его на городской марафон?

Когда Ци Жун привёл его на третий этаж и представил коллегам, Бай Циюй с запозданием спохватился:

— Вы ведь те двое с лестницы...

Ли Таогэ помнил всё, что произошло в тот момент.

Каждый кадр, каждый звук — всё врезалось в память.

Ци Жун тогда пытался разрядить обстановку, рассказывая, что из-за своей нелепой прозопагнозии (лицевой слепоты) принял на улице прохожего за Бай Циюя и чуть ли не силой притащил в офис. Тот оказался госслужащим, каким-то мелким чиновником из земельного управления, и чуть не вызвал полицию.

Лин Сяо тогда хохотал до слёз, говоря:

— Босс Ци, твоя слепота просто за гранью реальности! Не узнать такое лицо, как у Бай Циюя, — ты этот анекдот только что придумал?

Ли Таогэ помнил и каждое слово, сказанное им самим.

Он распустил хвост, как павлин, стараясь выглядеть крутым, хотя на самом деле жутко нервничал, и выдал нечто невероятно пафосное:

— Стеклянная винтовая лестница — мой проект. Нравится?

Ли Таогэ помнил и каждое слово Бай Циюя.

Тот ответил:

— Нравится. Сквозь солнечный свет на прилёт, сквозь ночную тьму на возвращение... Я как раз думал, что этот лестничный пролёт мог спроектировать только очень нежный и романтичный человек.

В тот же день Ли Таогэ добавил Бай Циюя в друзья в WeChat и тайком сменил его имя в контактах на Маленькое Яблоко.

А теперь, глядя на Бай Циюя перед собой...

Ли Таогэ не удержался и крепко обнял его:

— Прими мои соболезнования. Не бойся, ты в безопасности.

Бай Циюй оцепенело прильнул к плечу Ли Таогэ, не зная, что делать.

Объятие было тёплым и крепким, оно дарило невероятное чувство защищённости.

Но стоило Бай Циюю расслабиться, как перед глазами всплыла та кошмарная ночь и тысячи омерзительных извивающихся конечностей, которые точно так же сковывали его.

Он оттолкнул Ли Таогэ, в смятении бросился в туалет умыться и вышел лишь спустя долгое время.

— Полегчало?

Встретившись с полным заботы взглядом Ли Таогэ, Бай Циюй выдавил из себя слабую улыбку:

— Да. Прости за то, что было минуту назад.

— Всё в порядке.

Воспользовавшись тем, что Гуань Бао был в сети, Бай Циюй написал ему в личку.

Гуань Бао, казалось, был смертельно уставшим, печатал медленно.

Он признался, что симптомы Цинь Сяоцзю очень похожи на те, что были у Ян Юйсэня: безумие, ужасающие припадки, поедание сырого мяса и бессвязный бред.

Бай Циюй упомянул Чэнь Шу, но Гуань Бао ответил, что они давно не общались.

Внезапно Гуань Бао выдал нечто странное:

— Как думаешь, мы ведь не должны были заключать тот договор?

Договор в бомбоубежище?

— Тот договор был общим решением, мы все согласились на него, — бесстрастно напечатал Бай Циюй. — Если говорить об ответственности, то она лежит на всех, никто не скроется. Твоё чрезмерное самобичевание ни к чему не приведёт.

Гуань Бао лишь ответил: Ты не понимаешь, — и больше ничего не добавил. Они обменялись парой дежурных фраз и поспешно вышли из сети.

— Слушай, а почему мне кажется, что этот Гуань Бао тоже какой-то странный? — Ли Таогэ, наблюдавший за всей перепиской, раздражённо поднялся, снова сел и принялся хаотично листать сообщения в телефоне. — У вас в команде один за другим мрут люди, а он до сих пор сохраняет такое спокойствие? Почему не звонит в полицию или не ищет мастера, чтобы разобраться?

Бай Циюй горько усмехнулся:

— Боюсь, он просто боится, что проклятие передастся через интернет-кабель.

— Передастся? Разве оно уже не распространяется? — Ли Таогэ недоумевал. — Даже мизинцем понятно, что происходит что-то жуткое. Разве не должны они собраться вместе и придумать план спасения?

— Люди таковы. Перед лицом любых страданий и мучений каждый надеется, что он — исключение, что его это не коснётся.

Бай Циюй опустил глаза, выражение его лица стало нечитаемым.

— А на деле все те, кто погиб, думали точно так же.

— Я правда не понимаю... — Ли Таогэ с кривой усмешкой отложил телефон. — Мне казалось, что наши характеры похожи, но, чёрт возьми, я бы точно не стал безропотно ждать своей участи.

В этот момент телефон Ли Таогэ снова завибрировал. Его прервали, он с явным раздражением взял аппарат, чтобы ответить.

Бай Циюй мельком взглянул на экран: [Малыш из студии StarWings: Вы ознакомились с тремя резюме, которые я прислал? Можно назначить собеседование на следующую среду?]

Похоже, с ним связывалась студия инди-игр.

Сердце Бай Циюя ёкнуло. Раньше, во время послеобеденного чая, он краем уха слышал, как Лин Сяо упоминал, что Ли Таогэ давно хочет уволиться и заняться инди-играми.

Несмотря на свой ветреный и бесшабашный вид, Ли Таогэ был выдающимся художником, признанным мастером в своей среде. Там, где он работал, никогда не было дефицита инвесторов, но никто не знал, почему он так долго не решался начать своё дело.

Лин Сяо, у которого язык без костей, шутил, что Ли Таогэ не может расстаться с боссом Ци, мол, они как родные братья. До того как Бай Циюй пришёл в компанию, многие отделы пытались переманить Ли Таогэ к себе, но он даже слушать их не стал, выбрав группу Ци Жуна.

Лин Сяо ещё добавлял: Ты замечал, как часто они вместе уходят с работы, когда нет сверхурочных? Программист Сяо Се даже застукал их однажды за совместным обедом.

Бай Циюй не знал, что и думать, ведь в его памяти Ли Таогэ всегда говорил о Ци Жуне с неприязнью.

Ли Таогэ вдруг хлопнул себя по бедру:

— Погоди-ка, мы ничего не упустили? А что, если к Ротай-най приходил не старик Ма, а кто-то из его семьи?

— ! — Бай Циюй тоже широко открыл глаза. — Точно! Если зарегистрироваться под именем жены или ребёнка, никаких следов не останется! Ты ведь знаком с его женой?

Ли Таогэ принялся лихорадочно вспоминать:

— Как же звали ту медсестру... Чёрт... Виделись всего раз, помню только, что имя было связано с растениями, очень необычное! Бай Хэ (Белая Лилия)? Бай Лянь (Белый Лотос) или что-то вроде того...

Забыв про телефон, Ли Таогэ поспешно схватил за руку тётку Хань:

— Пожалуйста, проверьте посетителей с фамилией Бай!

В конце концов, в записях Ротай-най удалось найти имя, которое подходило под описание.

Бай Мэй.

Бай Циюй дёрнул уголок рта:

— Ну и ну... Разве это похоже на Белый Лотос или Белую Лилию?

— Кхм, — Ли Таогэ смущённо кашлянул, — главное, что нашли.

Как только имя стало известно, записи о приёмах тоже нашлись.

Тётка Хань бережно вынесла из архива два листа пожелтевшей бумаги формата А3. Бай Циюй ожидал увидеть обычную медицинскую карту, но, заглянув, обнаружил лишь изящные, причудливые иероглифы на иностранном языке, похожие на магические заклинания: крупные знаки занимали полстраницы, а мелкие были размером с рисовое зерно.

Цинь Гуаньхэ, стоявший рядом с Ротай-най, тоже вглядывался в записи, а потом вдруг поднял голову и посмотрел на Бай Циюя, едва заметно дёрнув уголок рта.

Сначала Бай Циюй не понял, что это значит, растерянно указал на себя, а потом до него дошло — Дима Цинь улыбается ему.

У этого человека, наделённого обликом небожителя, настоящая улыбка, когда он не пытался изобразить вежливость, выглядела такой же неестественной, как у робота.

Цинь Гуаньхэ сказал:

— Можете быть спокойны. Старик Ма заразился не от вас.

Он пояснил, что запись Бай Мэй была сделана не для неё самой, а для члена семьи по имени Ма Цзянь.

Бай Мэй в своих показаниях указывала, что у её супруга Ма Цзяня проявились странные симптомы.

Сначала это было лунатизм, затем днём он начал нести околесицу, говорить на непонятном языке и даже есть сырое мясо.

В конце концов он впал в такое безумие, что трое мужчин не могли его удержать, а его конечности выгибались под нечеловеческими углами, пока он ползал по полу. Жене было так страшно, что она несколько дней не решалась вернуться домой.

Бай Мэй была родом из деревни в Цюаньчэне, она говорила, что в детстве видела, как люди бывают одержимы злыми духами, поэтому нашла Ротай-най в надежде на помощь.

Симптомы проявились после того, как они вернулись с встречи однокурсников в Циндао.

Циндао?

Почему снова Циндао...

Зловещее гудение, словно полчища муравьёв, зашевелилось у него за спиной, и тут он услышал неуверенный голос Цинь Гуаньхэ:

— Эта Бай Мэй, не та ли это сестра Бай из вашей команды? Ли Таогэ, ты ведь видел жену старика Ма? Господин Бай, покажите ему ваше общее фото.

Бай Циюй остолбенел:

— Ты хочешь сказать, что семья Ма Цзяня тоже состоит в экспедиционной группе?

Не может же быть такое совпадение... Неужели та самая скрытная и молчаливая пара — это и есть чета Ма?

Бай Циюй тут же вспомнил, как странно и фамильярно вёл себя старик Ма по отношению к нему, и у него внутри всё похолодело.

Легко скрыть родственные связи, но сложно скрыть отношение — это мелочи, которые проявляются произвольно... Например, любовь или ненависть человека, или разница между близким знакомым и чужаком...

Если старик Ма действительно был участником экспедиции, то эта параллельная линия снова пересеклась...

Хотя он не знал, почему старик Ма никогда не говорил с ним об экспедиции, истоки проклятия снова вели к тому путешествию по канализациям Циндао.

<http://bllate.org/book/18696/1807002>